https://doi.org/10.5281/zenodo.23019049

Мета-позиция как ответ на кризис признания в эпоху искусственного интеллекта

А.Ю. Смирнов
Научный руководитель
Автономная некоммерческая организация «Центр научных исследований в сфере профориентации и психологии труда»

Аннотация
Актуальность. Экспансия систем искусственного интеллекта (ИИ) в академическую и творческую сферы обычно осмысляется как угроза замещения интеллектуальных функций человека. В статье предлагается иной фокус: экспансия ИИ рассматривается как угроза антропологическим основаниям научной деятельности — «экономике признания», то есть механизму легитимации авторства и формирования профессиональной самооценки.
Проблема. Показано, что тотальный анализ больших данных, гипотетически доступный ИИ, делает генеалогию идей прозрачной, размывает границы индивидуального вклада и разрушает линейные метрики признания. Это фиксируется как «четвёртый удар» по антропоцентризму, порождающий состояние «метрического голода».
Методология. На основе синтеза социологии знания (П. Бурдьё, Р. Мертон), теории систем и коммуникации (Н. Луман, Г. Бейтсон), эпистемологии (Ч. Пирс, Л. Магнани) и концепции суверенитета К. Шмитта разбираются три адаптивные стратегии — эскапизм, эстетизация когнитивного дефекта и растворение в коллективной сопричастности — и обосновывается их несостоятельность для сохранения субъектности.
Результаты. В качестве ответа на антропологический вызов ИИ обоснован концепт «мета-позиции» — локуса субъектности, связанного не с решением задач внутри заданной системы, а с учреждением самого пространства поиска. Мета-позиция эксплицирована в двух аспектах: структурно-логическом (различие операций внутри пространства и введения пространства) и экзистенциальном (переход от «рамки-задачи» к «рамке-проекту»). Показано, что мета-решение укоренено в вовлечённости, ответственности и безосновности выбора и не сводится к информационным процедурам, доступным современным системам ИИ.
Следствия и выводы. Определены границы модели и сформулированы её следствия для образования (подготовка к действию в условиях неопределённости), философии науки (переопределение научного вклада как акта эпистемического суверенитета) и философской антропологии

(субъектность как позиция, а не набор способностей). Обсуждаются возражения и условия, при которых тезис мог бы быть опровергнут.
Ключевые слова: искусственный интеллект, экономика признания, мета-позиция, субъектность, метрический голод, рамка-задача, рамка-проект, логические типы, безосновность решения, эпистемический суверенитет.

Meta-Position as a Response to the Crisis of Recognition in the Era of Artificial Intelligence

Anton U. Smirnov
Director of Research
Autonomous Non-Profit Organization «Center for Scientific Research in Career Guidance and Occupational Psychology»

Abstract

Relevance. The expansion of artificial intelligence (AI) systems into the academic and creative spheres is usually understood as a threat of replacing human intellectual functions. This article proposes a different focus: the expansion of AI is considered as a threat to the anthropological foundations of scientific activity—the "economy of recognition," that is, the mechanism for legitimating authorship and forming professional self-assessment.

Problem. It is shown that the total analysis of big data, hypothetically accessible to AI, makes the genealogy of ideas transparent, blurs the boundaries of individual contribution, and destroys linear metrics of recognition. This is recorded as a "fourth blow" to anthropocentrism, generating a state of "metric hunger."

Methodology. On the basis of a synthesis of the sociology of knowledge (P. Bourdieu, R. Merton), systems theory and communication theory (N. Luhmann, G. Bateson), epistemology (C.S. Peirce, L. Magnani), and C. Schmitt's concept of sovereignty, three adaptive strategies are analyzed—escapism, aestheticization of cognitive defect, and dissolution in collective co-participation—and their inadequacy for preserving agency is substantiated.

Results. As a response to the anthropological challenge of AI, the concept of "meta-position" is substantiated—a locus of agency associated not with solving tasks within a given system but with establishing the very space of inquiry. The meta-position is explicated in two aspects: structural-logical (the distinction between operations within a space and the introduction of a space) and existential (the transition from a "task-frame" to a "project-frame"). It is shown that the meta-decision is rooted in involvement, responsibility, and the groundlessness of choice and is not reducible to information procedures available to contemporary AI systems.

Implications and Conclusions. The limits of the model are determined and its implications are formulated for education (preparation for action under conditions of uncertainty), philosophy of science (redefinition of scientific contribution as an

act of epistemic sovereignty), and philosophical anthropology (agency as a position rather than a set of capacities). Objections and the conditions under which the thesis could be refuted are discussed.
Keywords: artificial intelligence, economy of recognition, meta-position, agency, metric hunger, task-frame, project-frame, logical types, groundlessness of decision, epistemic sovereignty.

1. Введение

Наука и искусство держатся на сделке, о которой редко говорят прямо. Общество предлагает человеку символическое бессмертие — имя, закреплённое за идеей, — в обмен на пожизненный труд, сопряжённый с отказом от многих других благ. Эта сделка не является ни юридической, ни моральной в узком смысле; она антропологическая. Её условием является возможность приписать заслугу конкретному субъекту: у открытия должен быть автор, у автора — имя. Роберт Мертон описал искажения этой системы, зафиксировав эффект Матфея — накопление признания у уже известных имён [Merton 1968]. Стивен Стиглер довёл наблюдение до иронического предела, сформулировав закон, согласно которому ни одно открытие не названо именем истинного первооткрывателя [Stigler 1980]. Но ни Мертон, ни Стиглер не ставили под сомнение саму предпосылку: заслуга в принципе может быть приписана, а значит, признание в принципе возможно. Кризис, о котором идёт речь в статье, касается именно этой предпосылки.

Под искусственным интеллектом (ИИ) здесь понимаются современные системы, работающие в пределах заданной архитектуры и обучающего распределения; тезис о невозможности мета-позиции относится к этому классу систем, а не к любому мыслимому нечеловеческому субъекту. Развитие таких систем наносит по антропоцентризму удар, который по своей структуре отличается от трёх предыдущих. Коперник лишил Землю центра Вселенной, Дарвин — человека привилегированного места в природе, Фрейд — сознание статуса хозяина в собственном доме. ИИ наносит четвёртый удар, и его специфика не в превосходстве вычислительных способностей. Машина угрожает не разуму как таковому, а ***экономике признания***. Тотальный анализ данных делает генеалогию идей прозрачной: вклад, приписанный одному имени, распадается на фрактальную сеть заимствований, намёков, черновиков и случайных совпадений. Там, где генеалогия прозрачна, приписывание заслуги теряет основание. Удар наносится не по возможностям человека, а по условиям, при которых эти возможности имеют цену.

Возникает вопрос, который и составляет предмет статьи: **что происходит с человеческой субъектностью, когда рушится экономика признания?** Возможны три несостоятельных ответа на этот вызов: уход в субъективную песочницу, эстетизация дефекта и растворение в сопричастности. Соревнование с ИИ в вычислительных способностях не рассматривается как самостоятельный ответ: оно проигрышно структурно,

поскольку человек соревнуется на территории машины. Статья предлагает четвёртый путь — удержание *мета-позиции*: позиции того, кто задаёт рамку задачи, а не решает задачу внутри неё.

Тезис статьи формулируется в двух частях. *Структурная часть:* мета-позиция не может быть занята системой, работающей внутри рамки, — не в силу эмпирического превосходства человека, а в силу логико-типологического различия между поиском внутри пространства и введением самого пространства. *Экзистенциальная часть:* мета-позиция не может быть занята системой, лишённой вовлечённости и ответственности, поскольку мета-решение принципиально безосновно: оно учреждает правила, а не следует им. Обе части взаимосвязаны: структурное различие объясняет, почему мета-позиция вообще возможна, экзистенциальное — почему она принадлежит субъекту, а не процедуре. *Метод работы*: философский анализ с опорой на концептуальную традицию (Мертон, Хоннет, Бурдьё, Шмитт, Магнани) и на короткий мысленный эксперимент.

Статья не утверждает превосходства человека над машиной; она указывает структурное различие, от которого зависит возможность признания. Существенная оговорка: если ИИ приобретёт способность занимать мета-позицию, речь будет идти не о расширении возможностей известных систем, а о появлении иного феномена, выходящего за рамки настоящего анализа.

2. Экономика признания и её подрыв

Признание не является ни психологическим украшением научной деятельности, ни побочным продуктом социальной жизни. Оно составляет её инфраструктуру. В терминах Пьера Бурдьё, речь идёт о символическом капитале — накопленном кредите доверия, который конвертируется в доступ к ресурсам, аудитории и институциональным позициям [Bourdieu 1979]. В терминах Акселя Хоннета, признание есть условие формирования субъектности: субъект становится субъектом не до и не вне отношений признания, а внутри них [Honneth 1992]. В применении к науке это означает, что учёный не просто «получает награду» за труд — он *конституируется* как учёный через приписывание ему авторства. Без приписывания нет субъекта познания; есть лишь анонимный производитель текстов.

Исторически эта инфраструктура работала через устойчивую сделку. Общество предоставляло человеку возможность вписать имя в историю идей; человек в обмен тратил жизнь на труд, требующий многолетней подготовки, отказа от немедленной выгоды и высокой толерантности к неопределённости. Сделка была жестокой, но эффективной: она превращала честолюбие в двигатель познания. Её предпосылкой была принципиальная *приписываемость* заслуги. Не обязательно точная — Мертон показал, что приписывание систематически искажается в пользу уже известных имён, — но возможная. Эффект Матфея описывает диспропорцию, а не отсутствие приписывания [Merton 1968]. То же касается закона Стиглера: он фиксирует

асимметрию именования, но предполагает, что имя вообще может быть закреплено [Stigler 1980]. Оба феномена — искажения внутри работающей системы, а не признаки её распада.

Подрыв этой системы связан не с превосходством ИИ в решении задач, а с его способностью к ***тотальному анализу генеалогии идей***. Человеческий мозг не может удерживать миллиарды переплетённых нитей влияний, заимствований, случайных совпадений и промежуточных формулировок. Именно поэтому культура выработала компенсаторный механизм: ярлык с именем, который навешивается на того, кто громче заявил о себе в финале. Этот ярлык был не истиной, а *практической необходимостью* — способом сделать необозримое обозримым. Если допустить, что системы ИИ получат доступ к достаточно полному корпусу данных, генеалогия идей станет прозрачной. Уже сегодня тенденция к такому анализу подрывает предпосылку приписываемости заслуги: вклад каждого участника может быть прослежен с точностью, недоступной человеческому восприятию — математический инсайт безымянного студента, философская заметка в блоге, случайная реплика в переписке.

Имя-ярлык выполняло, однако, не только функцию награды. Оно выполняло функцию ***измерения***. Согласно теории социального сравнения Леона Фестингера, человек определяет своё положение через сопоставление с другими; без шкалы сопоставления самооценка теряет опору [Festinger 1954]. Согласно гипотезе социометра Марка Лири, самооценка является не самостоятельным состоянием, а *показанием прибора*, отслеживающего положение субъекта в системе отношений [Leary et al. 1995]. В применении к науке это означает, что имя-ярлык было не только кубком, но и делением шкалы. «Имя в ряду великих» — линейная, хотя и огрублённая, метрика: по ней можно было судить о собственном положении, сравнивать себя с предшественниками и современниками, строить траекторию развития. Тотальное распределение признания, дробное и филигранное, эту метрику разрушает. Каждый вклад становится видимым — и одновременно перестаёт быть *соизмеримым* с другими. Фрактальная сеть соавторов не даёт шкалы: в ней нет ни верха, ни низа, ни позиции, которую можно было бы занять и удержать. Социометр лишается входных данных. Возникает состояние, которое можно назвать ***метрическим голодом***: потребность в признании сохраняется, а способ её удовлетворения — через считывание собственного положения — исчезает.

Уточним, что именно происходит. Речь не идёт о том, что ИИ «отбирает» признание у человека — он не претендует на авторство. Речь идёт о том, что доступная с помощью ИИ аналитика вклада делает возможным иной режим распределения признания — дробный и филигранный, без флага одного имени на вершине пирамиды. Вместо бренда-первооткрывателя возникает фрактальная сеть соавторов, каждый из которых внёс измеримый вклад. Это выглядит как торжество справедливости — и, возможно, ею является. Но у этого торжества есть антропологическая цена: система социального одобрения теряет свои «именные кубки». Эго больше не может

паразитировать на удачном стечении обстоятельств, но оно также теряет точку опоры. Признание, которое раньше было *данностью* — чем-то, что можно получить и удержать, — становится *проблемой*.

Четвёртый удар, таким образом, отличается от трёх предыдущих не только по мишени, но и по *глубине*. Коперник, Дарвин и Фрейд лишали человека привилегированного положения в мире, в природе и в сознании — но положение, которое отнималось, было *концептуальным*; человек продолжал существовать внутри осмысленной картины. ИИ лишает его не только привилегированного положения, но и самой возможности *измерять* положение. Удар наносится не по картине мира, а по условиям, при которых человеческая деятельность имеет цену в глазах самого действующего. Возникает вопрос, который составит содержание следующего раздела: какие ответы на этот удар возможны и почему три наиболее очевидных из них несостоятельны.

3. Три соблазна и их несостоятельность

Метрический голод — состояние неустойчивое. Потребность в признании сохраняется, а способ её удовлетворения исчезает. В такой ситуации культура вырабатывает компенсаторные стратегии. Три из них наиболее очевидны, и каждая по-своему привлекательна. Ни одна, однако, не решает проблемы, потому что все три отказываются от того, что подлежит спасению, — от субъектности. Разберём их поочерёдно.

Первый соблазн: субъективная песочница. Логика такова: поскольку конкурировать с ИИ на глобальной доске бессмысленно, следует создавать изолированные локальные миры — виртуальные вселенные, закрытые сообщества, нео-архаичные субкультуры, — где ценность имеет только человеческий контекст. Критерий значимости смещается с результата на происхождение: вещь или идея ценна не потому, что она хороша, а потому, что её сделал человек. Возникает новая валюта — «аутентичность человеческого дефекта». Эта стратегия соблазнительна тем, что сохраняет видимость признания: внутри песочницы субъект снова может быть первым. Но она несостоятельна по двум причинам. Во-первых, она отказывается от *соизмеримости*: признание, действующее только внутри изолированного мира, не является признанием в исходном смысле — оно не выдерживает сравнения, а значит, не даёт шкалы. Метрический голод не утоляется, а маскируется. Во-вторых — и это решающее — песочница предполагает *отказ от реальности* как арены деятельности. Субъект, замкнувшийся в локальном мире, теряет то, что делало его субъектом: способность действовать в общем мире и нести за это действие цену. Песочница — не спасение субъектности, а её инкапсуляция.

Второй соблазн: эстетизация дефекта. Более изощрённая версия той же стратегии. Поскольку ИИ превосходит человека в точности, скорости и полноте, человек объявляет своим достоинством именно то, в чём машина уступает: ошибку, шум, иррациональность, несовершенство. «Человеческое»

отождествляется с «неидеальным». Эта позиция имеет свою традицию — от романтической апологии гения-безумца до современных дискурсов о «праве на ошибку» в обучении. Её привлекательность в том, что она превращает слабость в ценность и тем самым защищает самооценку. Но она несостоятельна по трём причинам. Во-первых, эстетизация дефекта есть *признание превосходства машины* по всем параметрам, кроме дефекта: человек заранее соглашается, что по точности, полноте и скорости он проигрывает, и цепляется за остаточную нишу. Во-вторых, она не даёт метрики: несовершенство не образует шкалы, по которой можно было бы сравнивать субъектов. В-третьих, она подменяет субъектность её *симулякром*: ценным оказывается не человек как деятель, а человек как носитель специфического изъяна. Это признание без субъекта — кубок, вручённый за отсутствие.

Третий соблазн: сопричастность вместо престижа. Наиболее респектабельная из трёх стратегий. Её логика: поскольку индивидуальное признание стало недостижимым, следует перенести удовлетворение потребности с «я лучше всех» на «я часть уникального человеческого опыта». Дофамин чистого познания, свободного от гонки за приоритет, должен, по замыслу, заменить серотонин статуса. Эта позиция опирается на серьёзную традицию — от стоической атараксии до современных концепций «внутренней мотивации» в психологии науки. Она привлекательна этически: снимает бремя соперничества, освобождает от разрушительной зависти, открывает возможность для кооперации. Но она несостоятельна антропологически. Социометр, описанный Лири, отслеживает принятие и принадлежность, поэтому сопричастность может частично смягчить метрический голод. Однако она не заменяет признания вклада: в научной сфере субъектность конституируется не только принадлежностью, но и различением того, кто именно внёс вклад. Потребность в признании не трансформируется в потребность в сопричастности; она просто лишается способа удовлетворения. Кроме того, сопричастность не требует субъекта: быть частью целого может и вещь. Субъектность конституируется не участием, а *вкладом*, а вклад предполагает различение — кто именно внёс. Третий соблазн, таким образом, повторяет ошибку первых двух: он сохраняет видимость удовлетворения, отказываясь от того, что подлежит удовлетворению.

Общий знаменатель. Все три стратегии объединены одной чертой: каждая предлагает *приспособиться* к утрате мета-позиции, а не удержать её. Песочница — через изоляцию, эстетизация дефекта — через инверсию, сопричастность — через растворение. Ни одна не ставит вопроса о том, возможно ли *сохранить* субъектность в новых условиях, а не отказаться от неё в пользу той или иной формы компенсации. Между тем именно этот вопрос и составляет содержание четвёртого пути. Его предстоит обосновать в двух отношениях: структурно — показав, что *мета-позиция* не может быть занята системой, работающей внутри рамки, и экзистенциально — показав, что она не может быть занята системой, лишённой вовлечённости и

ответственности. Этим двум обоснованиям посвящены следующие два раздела.

4. Логико-типологическое обоснование (мета-позиция)

Структурное обоснование мета-позиции начинается с различения, которое на первый взгляд кажется тривиальным, но имеет далеко идущие следствия. Существует разница между **поиском внутри заданного пространства** и **введением самого пространства**. Первое предполагает, что пространство поиска уже дано: определены оси, метрика, критерий релевантности, границы допустимого. Второе предполагает, что эти параметры ещё не определены и подлежат установлению. Различие между двумя операциями не количественное, а качественное: они принадлежат разным логическим типам, и переход от одной к другой не является «более широким» или «более глубоким» поиском.

Понятие логических типов восходит к Бертрану Расселу, показавшему, что смешение класса и его элементов порождает парадоксы [Russell 1908]. Грегори Бейтсон перенёс это различение в теорию коммуникации и обучения, указав, что обучение второго порядка (изменение правил обучения) не сводится к обучению первого порядка (обучение внутри правил) [Bateson 1972]. Никлас Луманн использовал ту же схему для описания самореферентных систем: система, оперирующая внутри различения, не может средствами этого различения пометить само различение [Luhmann 1984]. Во всех трёх случаях речь идёт об одном: операция, конституирующая пространство, не может быть описана в терминах операций, производимых внутри этого пространства. Это не эмпирическое ограничение, а логическое.

Применительно к ИИ это означает следующее. Современные системы способны к абдуктивным скачкам внутри заданного пространства поиска: они могут выбирать максимально удалённые узлы в латентном пространстве, инвертировать признаки, комбинировать домены, оптимизировать по эстетическим критериям. Более того, они способны к meta-learning — изменению правил обучения в пределах архитектуры. Но само пространство поиска, его метрика и критерий «дальности» заданы извне: архитектурой, обучающим распределением, функцией потерь, целевой установкой. Введение пространства не является операцией, доступной системе, работающей внутри пространства, — по той же причине, по которой предложение не может быть элементом самого себя. ИИ может ходить по уровням внутри заданной типизации, но не может переопределить саму типизацию, поскольку она является условием его работы.

Здесь возникает возражение, которое необходимо разобрать точно. Критик скажет: «Но ИИ тоже меняет рамку — например, при смене парадигмы обучения или при переходе от одной задачи к другой». Ответ требует различения двух типов изменений. **Смена метрики внутри архитектуры** — это изменение, производимое по правилу и в пределах архитектуры: система переключается между задачами, переобучается на

новых данных, меняет функцию потерь по заданному критерию. **Смена архитектуры** — это изменение, которое учреждает саму возможность правил: не выбор новой метрики, а введение самого пространства метрик. Первое доступно ИИ, второе — нет. Различие не в масштабе и не в скорости, а в том, что первое предполагает рамку, а второе её создаёт. Смешение этих двух операций — источник большинства иллюзий относительно возможностей машинного познания.

Человеческий абдуктивный скачок, как он описан в традиции Чарльза Пирса и Лоренцо Магнани, относится ко второму типу [Peirce 1955; Magnani 2001]. Человек не перебирает варианты внутри заданного пространства — он вводит новую ось, меняет метрику, снимает ограничение, которое система считает конститутивным. Различие удобно показать на примере из области городской логистики. Перед системой ставится задача оптимизации трафика: ИИ управляет светофорами в режиме реального времени, балансирует потоки, строит прогностические модели загрузки улиц, достигая значительных успехов. Но когда физическая пропускная способность дорог исчерпана, даже идеальные алгоритмы не предотвращают заторов: оптимизация внутри заданного пространства упирается в его границы. Мета-решение состоит в том, чтобы переопределить само пространство задачи — не оптимизировать поток автомобилей, а устранить причину их концентрации: перенести инфраструктуру в спальные районы, развить бесплатный комфортный общественный транспорт, изменить экономику городской мобильности так, что личный автомобиль теряет смысл. Это не более быстрое или более глубокое решение — это решение *другого типа*. Оно не выводится из модели ИИ, потому что сама модель предполагает сохранение той реальности, внутри которой она построена.

Аналогичный ход возможен и в энергетике. ИИ способен виртуозно снизить энергопотребление систем охлаждения дата-центров, балансируя нагрузку на пределе возможностей кремниевой архитектуры. Но лавинообразный рост числа центров обработки данных сводит эти усилия на нет: оптимизация внутри рамки не решает проблему, а лишь замедляет её нарастание. Мета-решение состоит в смене физики задачи — переносе вычислительных мощностей за Полярный круг или на океаническое дно для естественного охлаждения, переходе на фотонные и биологические вычислительные среды, которые практически не выделяют тепла. Проблема перегрева не решается — она *растворяется*, потому что исчезает условие её существования. Именно такого рода операции и составляют содержание мета-позиции.

Введение пространства не является, однако, произвольным актом. Здесь уместно обратиться к различению, которое Карл Шмитт ввёл в теорию суверенитета. В работе «Политическая теология» (1922) Шмитт сформулировал знаменитый тезис: «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [Schmitt 1922]. Смысл формулы в том, что суверенитет обнаруживается не в применении закона, а в моменте, когда закон приостанавливается. Чрезвычайное положение — это ситуация, в

которой действующие правила не могут быть применены, и кто-то должен решить, что делать. Это решение не выводится из правил, потому что оно само учреждает условия, при которых правила будут действовать вновь. Суверен — не тот, кто лучше всех применяет закон, а тот, кто вправе приостановить его во имя нового основания.

Это различение непосредственно применимо к мета-позиции. Акт введения пространства не является ни произвольным, ни выводимым из предшествующих правил: он *безосновен* в том смысле, что любое его обоснование было бы уже внутри той рамки, которую он меняет. Это не дефект, а условие возможности субъектности. Мета-позиция — это позиция суверенитета в эпистемологическом смысле: право на чрезвычайное решение, то есть право приостановить действие правил во имя нового основания. Именно это право делает человека субъектом познания, а не только его агентом.

Структурное обоснование мета-позиции, таким образом, состоит в следующем. Существует логико-типологическое различие между операциями внутри пространства и введением пространства. ИИ способен к первым, но не ко вторым — не в силу эмпирической слабости, а в силу структуры своей работы. Человек способен ко вторым, потому что его познавательная деятельность не замкнута в рамках одной типизации. Это различие и составляет структурную основу мета-позиции. Но оно объясняет лишь *возможность* мета-позиции; оно не объясняет, почему она должна принадлежать субъекту, а не процедуре. Для этого структурного обоснования недостаточно. Требуется второе — экзистенциальное, — к которому мы и переходим.

5. Экзистенциальное обоснование

Структурный аргумент показывает лишь возможность мета-позиции. Чтобы обосновать её принадлежность субъекту, а не процедуре, требуется экзистенциальный аргумент.

Начнём с различения двух типов контекста, в которых может находиться система. ***Информационный контекст*** — это совокупность данных и весов, определяющих состояние системы. ИИ обладает информационным контекстом: он «знает» о ситуации ровно то, что представлено в его обучающем распределении и доступно в момент запроса. ***Экзистенциальный контекст*** — это совокупность условий, определяющих *бытие* системы в ситуации: её телесность, конечность, вовлечённость, цену, которую она платит за решение. Человек обладает экзистенциальным контекстом. Это не значит, что его контекст «богаче» или «лучше» — это значит, что он *другого рода*. Различие между двумя родами контекста не градуируется и не компенсируется наращиванием данных. ИИ может получить любые сведения о ситуации, но он не может оказаться *в* ситуации в том смысле, в каком в ней находится человек.

Это различие можно уточнить через противопоставление **рамки-задачи** и **рамки-проекта**. Рамка-задача — это то, что система должна сделать: она задана формулировкой, целью, критерием успеха. Рамка-проекта — это то, ради чего задача решается: она задана не формулировкой, а тем, что находится на карте у действующего. ИИ работает исключительно с рамкой-задачей. Всё, что он делает, — включая предложение отказаться от задачи — является операцией внутри задачи.

Это различие восходит к аристотелевскому противопоставлению *poiesis* и *praxis*: делание, цель которого вовне, и действие, цель которого в нём самом [Aristotle 1984, Nicomachean Ethics, VI]. ИИ всегда в *poiesis*: у него есть внешняя цель, заданная извне. Человек всегда в *praxis*: за любой задачей стоит проект, для которого задача — лишь момент. Мета-позиция есть позиция *praxis* по отношению к *poiesis*. Различие между ними не в ширине рамки, а в её типе: у человека рамка *имеет владельца*, у ИИ — нет. ИИ не может спросить «зачем мне эта задача?», потому что у него нет «мне». Задача — это всё, что у него есть.

Отсюда вытекают три условия, конституирующих мета-позицию как позицию субъекта.

Первое — ***вовлечённость***. Понятие восходит к герменевтической традиции: у Хайдеггера — бытие-в-мире как способ существования, предшествующий всякому наблюдению; у Гадамера — включённость в традицию, делающая понимание возможным [Heidegger 1927; Gadamer 1960]. Вовлечённость означает, что субъект не противостоит ситуации как внешний наблюдатель, а находится внутри неё: его позиция уже определена тем, что он в ней. Это не эмпирическое свойство, а условие возможности познания. ИИ, напротив, всегда наблюдает ситуацию извне: он получает её в виде данных, но не *находится* в ней. Отсюда следует важное различие: мета-решение, принятое изнутри ситуации, и мета-решение, вычисленное извне, — не одно и то же, даже если они совпадают по содержанию. Первое укоренено в позиции действующего, второе — в позиции наблюдателя.

Второе условие — ***ответственность***. Субъект не просто принимает решение, он *отвечает* за него. Ответственность не является вычислимым параметром: её нельзя оптимизировать, поскольку она не имеет целевой функции. Она не сводится к информации о последствиях, потому что предполагает *принятие* этих последствий на себя. В веберовской традиции это различие выражено в противопоставлении «этики убеждения» и «этики ответственности»: последняя требует, чтобы действующий отвечал за реальные результаты, а не за чистоту намерения [Weber 1919]. ИИ может рассчитать последствия, но он не может *нести* их: у него нет того, что можно было бы поставить на карту. Именно поэтому ценность человеческого мета-решения не сводится к его информационному содержанию. За ним стоит субъект, который *ставит себя* в качестве гаранта. Признание, как было показано в разделе 2, получает не тот, кто предложил ход, а тот, кто за него отвечает. В этом пункте структурное различие смыкается с антропологическим.

Третье условие — ***безосновность*** мета-решения (от нем. *das Grundlose*; не путать с «безусловностью»: речь об отсутствии основания, а не о его безусловном характере). Оно было намечено в разделе 4 через шмиттовское понятие решения о чрезвычайном положении, но теперь требует экзистенциального раскрытия. Мета-решение не выводится из правил, потому что оно их учреждает. Любое его обоснование было бы уже внутри той рамки, которую оно меняет. Это означает, что мета-решение *не имеет достаточного основания в предшествующем порядке*. В философской традиции это состояние не является дефектом — оно является условием свободы. У Шеллинга воля как безосновное предшествует всякому различению; у Кьеркегора прыжок не выводится из предшествующего состояния; у Деррида неразрешимость (*l'indécidable*) есть условие подлинного решения — решение, выводимое из правил, не является решением, а является вычислением [Schelling 1809; Kierkegaard 1844; Derrida 1996]. Безосновность мета-решения означает, что оно не может быть *гарантировано* никакой процедурой. Именно поэтому оно не может быть доверено системе, работающей по процедуре.

Сделаем шаг, который часто обходят. Безосновность мета-решения означает, что в нём присутствует момент, который нельзя свести к рациональному выводу. Этот момент можно назвать ***иррациональным*** — не в смысле «противоразумного», а в смысле «не выводимого из предшествующих оснований». Человек способен на мета-решение не только потому, что он *понимает* ситуацию, но и потому, что он *может* его принять, не имея достаточного основания. Это «может» не является ни произволом, ни капризом: оно укоренено в экзистенциальном контексте — в вовлечённости и ответственности. Но оно не сводится к ним. Мета-решение есть акт, в котором субъект *ставит себя* в качестве основания там, где основание отсутствует.

Это позволяет точно ответить на вопрос, поставленный в начале статьи: может ли ИИ занять мета-позицию? Структурно — не может, потому что введение пространства не является операцией внутри пространства. Экзистенциально — не может, потому что мета-решение предполагает вовлечённость, ответственность и безосновность, а эти условия не сводятся к информации. ИИ работает с задачей, а не с проектом; задача исчерпывает для него ситуацию. Но здесь важно сделать оговорку, которая удерживает статью от апологетики. Речь не идёт о том, что человек «всегда прав» или что его мета-решения «лучше» машинных. Речь идёт о структурном и экзистенциальном различии, которое делает мета-позицию *локусом субъектности*. Если система — биологическая или кремниевая — приобретёт способность работать с проектом, а не только с задачей, она приобретёт не расширение возможностей, а иную природу: это будет уже не тот класс систем, который определён во введении, а иной феномен, выходящий за рамки этого анализа. Иными словами, гипотетическое обретение ИИ мета-позиции означало бы не «улучшение ИИ», а *появление*

субъекта. Границы этого феномена мы не можем предсказать, но можем зафиксировать: он не сводится к наращиванию вычислительных мощностей.

Возвращаясь к исходному вопросу о признании, сформулируем вывод. Мета-позиция есть локус субъектности, потому что она предполагает: (1) нахождение *в* ситуации, а не наблюдение её извне; (2) принятие последствий решения на себя; (3) способность действовать без достаточного основания. Все три условия не сводятся к информации и не могут быть выполнены процедурой. Признание, получаемое субъектом на мета-позиции, не является иллюзорным — оно соответствует реальному структурному и экзистенциальному различию. Это и есть ответ на метрический голод, описанный в разделе 3: шкала, утраченная в результате подрыва экономики признания, восстанавливается не через отказ от субъектности, а через её удержание на уровне, где она не может быть делегирована машине.

6. Возражения и границы модели

Ниже разобраны четыре наиболее серьёзных возражения, которые способны подорвать тезис, если не найти на них ответа. После разбора возражений будут очерчены границы модели: условия, при которых она перестаёт работать, и то, что могло бы служить свидетельством против неё.

Возражение первое: ИИ уже делает то, что вы называете мета-позицией. Современные системы способны к meta-learning — изменению правил обучения в пределах архитектуры. Они способны к open-ended search — поиску в пространствах, которые не были явно заданы при обучении. Они могут переключаться между задачами, переобучаться на новых данных, менять функцию потерь по заданному критерию. Если всё это называется мета-позицией, то она уже занята машиной, и тезис статьи опровергнут.

Ответ состоит в различении, введённом в разделе 4: meta-learning, open-ended search и переключение задач относятся к смене метрики внутри архитектуры, а не к смене архитектуры. Они работают внутри типизации, заданной извне, и не вводят само пространство.

Здесь, однако, требуется оговорка: граница между «сменой метрики» и «сменой архитектуры» не является абсолютно резкой. Существуют гибридные случаи: системы, которые в ходе работы порождают новые подпространства поиска, не предусмотренные их создателями. Вопрос о том, являются ли такие подпространства *введёнными* или *производными*, не решается априорно и требует анализа каждого конкретного случая. Тезис статьи состоит не в том, что ИИ в принципе неспособен переступить этот рубеж, а в том, что даже современные мультиагентные архитектуры с динамическим целеполаганием (LLM-based agents) лишь имитируют смену рамок через ветвление подзадач. Переход к истинному учреждению пространства не является тривиальным следствием масштабирования вычислительных мощностей (scaling laws).

Возражение второе: ответственность — социальная конвенция, а не онтологический факт. Можно утверждать, что «нести ответственность»

— это не свойство субъекта, а социальная практика: общество приписывает ответственность тому или иному агенту, и это приписывание не имеет онтологического основания. Если так, то ответственность может быть приписана и ИИ — например, в случае автономных систем, принимающих решения без участия человека. Тогда экзистенциальный аргумент рушится: он опирается не на природу вещей, а на текущую социальную договорённость.

Ответ состоит в различении *приписывания* ответственности и *принятия* её. Общество действительно может приписать ответственность кому угодно — включая машину. Но приписывание не создаёт того, что предполагается приписать: оно лишь возлагает на агента внешнее ожидание. Принять ответственность — значит *поставить себя* в качестве гаранта, признать, что решение имеет цену именно для тебя, что в случае неудачи ты будешь тем, кто отвечает. Это акт, а не атрибут. ИИ может быть *назначен* ответственным, но он не может *принять* ответственность, потому что у него нет того, что можно было бы поставить на карту. Он не рискует. Социальная конвенция может возложить на машину ожидания, но она не может создать внутри машины ту инстанцию, которая эти ожидания несёт. Различение между приписыванием и принятием сохраняет экзистенциальный аргумент даже в условиях, когда социальные практики меняются.

Возражение третье: вовлечённость — метафора. Понятие «бытия-в-ситуации», заимствованное у Хайдеггера, может показаться гуманитарной метафорой, не имеющей операционального смысла. Что значит «находиться в ситуации», если речь идёт о познании? Не является ли это просто поэтическим описанием того, что субъект имеет больше информации о контексте?

Ответ состоит в указании на *цену*, которую платит вовлечённый субъект. Находиться в ситуации — значит быть уязвимым в ней: решение имеет для тебя последствия, которые ты не можешь отменить, отложить или делегировать. Уязвимость не является ни информацией, ни метафорой: она есть структурное условие, отличающее позицию действующего от позиции наблюдателя. ИИ может располагать любыми сведениями о ситуации, но он не может быть *уязвим* в ней: любое его решение может быть отменено, перезапущено, скопировано или удалено без цены для него самого. Именно поэтому его позиция остаётся позицией наблюдателя, а не действующего. Вовлечённость операционализируется не через количество данных, а через *наличие цены*: там, где решение ничего не стоит для решающего, нет вовлечённости.

Возражение четвёртое: человек тоже работает внутри рамки, просто более широкой. Это возражение сильнее предыдущих, потому что оно не оспаривает отдельные элементы аргумента, а подрывает само различение. Человек тоже ограничен — биологией, культурой, языком, историей, когнитивными пределами. Его рамка конечна, как и любая другая. Просто она шире, чем у ИИ. Но ИИ можно дать ещё более широкую рамку: много доменное обучение, гигантское контекстное окно, open-ended search.

Рано или поздно его рамка станет шире человеческой, и различие исчезнет. Если различие количественное, а не качественное, весь аргумент статьи рушится.

Ответ состоит в том, что различие не в *ширине* рамки, а в её *типе*. Это различение было введено в разделе 5 как противопоставление ***рамки-задачи*** и ***рамки-проекта***, и здесь его следует применить прямо.

Рамка ИИ — это рамка-задача: она задана формулировкой того, что система должна сделать. Всё, что ИИ делает, включая предложение отказаться от задачи, является операцией *внутри задачи*. Система, играющая в шахматы, может предложить сдаться; сдача — это ход в шахматах, а не выход из них. Она не может предложить изменить условия игры, потому что сама игра исчерпывает для неё ситуацию. Даже если расширить рамку — дать ИИ данные о сопернике, о его психологии, о ставках, — задача останется задачей. ИИ сможет лучше *решать* её, но не сможет *увидеть за ней проект*.

Рамка человека — это рамка-проект: она задана не формулировкой задачи, а тем, что находится на карте у действующего. За шахматной партией стоит престиж, деньги, отношения, самооценка — нечто, что переживает задачу и делает её средством. Именно наличие проекта позволяет задать вопрос «зачем мне это?» — и этот вопрос уже открывает мета-позицию. Человек может отказаться от игры, изменить её условия, переопределить саму ситуацию, потому что шахматы для него — не цель, а инструмент. ИИ не может этого сделать не потому, что ему не хватает данных, а потому, что у него нет того, ради чего задача могла бы быть средством.

Различие не в том, что человеческая рамка шире машинной. Оно в том, что у человека рамка *имеет владельца*, а у ИИ — нет. ИИ не может спросить «зачем мне эта задача?», потому что у него нет «мне». Задача — это всё, что у него есть. Как только задача решена или отменена, для ИИ ничего не остаётся. Для человека за задачей всегда стоит нечто, что переживает задачу. Это «нечто» и есть проект. Наращивание ширины рамки не создаёт проекта: оно лишь расширяет пространство решений внутри задачи. Именно поэтому различие между «рамкой-задачей» и «рамкой-проектом» не является количественным и не может быть устранено наращиванием мощностей.

Границы модели. Из сказанного вытекают три границы. Во-первых, модель описывает *различие*, а не *превосходство*: она не утверждает, что человеческие мета-решения лучше машинных. Они могут быть ошибочными, катастрофическими, нерациональными. Речь идёт о структурном и экзистенциальном различии, а не о качестве результатов. Во-вторых, модель не является эмпирическим предсказанием: она не утверждает, что ИИ *никогда* не займёт мета-позицию. Она утверждает, что занятие этой позиции не является следствием наращивания мощностей и требует качественного изменения природы системы. В-третьих, модель ограничена рамками современного ИИ: она описывает системы, работающие внутри заданной архитектуры и обучающего распределения. Если появится система иного типа, вопрос о мета-позиции придётся ставить заново.

Что было бы свидетельством против тезиса. Тезис был бы опровергнут, если бы система, работающая с задачей, как она сформулирована, оказалась способна *самостоятельно* переопределить эту задачу исходя из проекта, который не был ей задан. Не расширить пространство решений внутри задачи, не переключиться на другую задачу по запросу, не предложить «сдаться» как один из ходов, — а *увидеть за задачей проект* и действовать исходя из него.

Точнее: опровержением было бы, если бы ИИ, получив задачу «играть в шахматы», самостоятельно обнаружил, что за ней стоит проект «сохранить престиж» или «заработать деньги», и предложил способы решения *проекта* — отказаться от игры, изменить её условия, переопределить саму ситуацию. До сих пор ничего подобного не наблюдалось. Все известные случаи «выхода за рамку» у ИИ оказываются либо расширениями внутри задачи, либо переключениями между задачами, заданными извне. Ни один из них не является *обнаружением проекта*, стоящего за задачей.

Возможно, такой случай когда-нибудь появится. Если он появится, тезис статьи будет опровергнут — но это будет означать не улучшение ИИ, а появление системы иного типа: системы, у которой есть *что-то на карте*. Такая система будет субъектом, а не процедурой, независимо от её субстрата. Появление такого субъекта не отменяет различие, введённое в статье, — оно лишь показывает, что это различие не является привилегией биологии. Мета-позиция есть локус субъектности, и если он будет занят нечеловеческой системой, это будет означать появление нового субъекта, а не упразднение мета-позиции как таковой.

7. Следствия

Из проведённого анализа вытекают три группы следствий — для образования, для философии науки и для философской антропологии. Они не являются приложениями к основному тезису; они показывают, что тезис имеет последствия за пределами своего первоначального контекста.

Следствие первое: образование. Если мета-позиция есть локус субъектности, а не просто одна из познавательных способностей, то подготовка к ней не может быть сведена к передаче знаний или даже к развитию критического мышления. Традиционная модель образования — конвейерная подготовка узкого специалиста, обладающего глубоким знанием в одной дисциплине, — была адекватна эпохе, в которой ценность знания определялась его глубиной и труднодоступностью. В эпоху ИИ эта модель теряет основание: глубина знания перестаёт быть дефицитным ресурсом, поскольку машина удерживает контекст всех дисциплин одновременно. Возникает соблазн заменить узкую специализацию широкой эрудицией — но это лишь количественное расширение, не затрагивающее структуру познавательной деятельности.

Мета-позиция требует иной подготовки. Она предполагает: (1) способность видеть за задачей проект — то есть понимать, ради чего

решается та или иная задача, и уметь задать вопрос «зачем?» прежде вопроса «как?»; (2) способность действовать в условиях безосновности — принимать решения, не имея достаточного основания, и нести за них ответственность; (3) способность к смене онтологической рамки — не просто к решению задач внутри данной парадигмы, но к её переопределению. Ни одна из этих способностей не формируется через накопление знаний. Все три предполагают *практику* — участие в ситуациях, где цена решения реальна, а рамка не задана заранее. Отсюда следует, что конвейерное обучение уступает место феномен-ориентированному образованию (phenomenon-based learning). Педагогический фокус смещается на организацию прецедентного опыта: навигацию в кросс-дисциплинарных проектах с подвижными онтологическими границами, где цена ошибки и ответственность за выбор рамки не могут быть симулированы. Это не отменяет дисциплинарного знания — оно остаётся необходимым условием, — но смещает акцент с усвоения на *действие в условиях неопределённости*.

Следствие второе: философия науки. Проведённый анализ позволяет уточнить понятие научного вклада в условиях, когда генеалогия идей становится прозрачной. Если ИИ способен проследить происхождение каждой идеи до мельчайших заимствований, то традиционное представление о вкладе как о *введении* чего-то нового теряет однозначность. Всякое введение оказывается перекомпоновкой предшествующего, и различение между «оригинальным» и «производным» размывается. Но это не означает, что понятие вклада исчезает. Оно смещается. Вклад состоит не в том, чтобы *ввести* новое содержание — это может сделать и машина, — а в том, чтобы *учредить* новую рамку, внутри которой предшествующее содержание получает новый смысл. Именно это делает мета-позиция: она не добавляет знание, а переопределяет условия, при которых знание имеет значение. Научный вклад в цифровую эпоху переопределяется как акт эпистемического суверенитета — введение новой концептуальной оптики, легитимирующей последующее машинное производство знания. Признание смещается от экстенсивной генерации данных к мета-дизайну исследовательских программ (research programs design), задающему прагматику и ценностные маркеры научного поиска. Это не отменяет эффекта Матфея и закона Стиглера — они описывают распределение признания внутри уже установленной рамки, — но добавляет к ним измерение, которое в этих теориях отсутствует: различение между *производством знания* и *учреждением его условий*.

Следствие третье: философская антропология. Проведённый анализ позволяет сформулировать тезис о человеческой субъектности, который не сводится ни к апологетике человека, ни к его растворению в системах. Субъектность — это не набор способностей (разум, сознание, свобода воли), которые можно перечислить и измерить. Это *позиция* — локус в структуре познавательной деятельности, определяемый отношением к рамке. Человек субъектен не потому, что обладает некими свойствами, а потому, что занимает позицию, из которой рамка может быть учреждена или изменена. Эта позиция не является привилегией биологии: она определяется структурой, а

не субстратом. Если система иного типа — биологическая или кремниевая — займёт эту позицию, она станет субъектом в том же смысле. Но это будет означать не расширение известных систем, а появление нового феномена. Из этого следует, что вопрос о субъектности ИИ — это не вопрос о том, «достаточно ли он умён» или «обладает ли он сознанием», а вопрос о том, способен ли он работать с проектом, а не только с задачей. Пока ответ отрицательный, мета-позиция остаётся антропологическим локусом — не по праву рождения, а по структуре различия.

Все три следствия сходятся в одной точке. Субъектность в эпоху ИИ сохраняется не через соревнование в вычислительных способностях и не через уход в изолированные миры, а через удержание позиции, которая не может быть делегирована машине, — позиции того, кто учреждает рамку, а не решает задачу внутри неё. Это позиция ответственности, вовлечённости и безосновного решения. Признание, которое получает субъект на этой позиции, не иллюзорно: оно соответствует реальному структурному различию. Метрический голод, описанный в разделе 3, утоляется не компенсацией и не эскапизмом, а сменой типа ориентации: место линейной шкалы «имя в ряду великих» занимает различение позиции *учредителя рамки* и позиции *решателя задач*. Эта шкала не является ни конвенциональной, ни произвольной: она укоренена в логико-типологическом и экзистенциальном различии, обоснованном в разделах 4 и 5.

8. Заключение

Статья началась с вопроса: что происходит с человеческой субъектностью, когда экспансия искусственного интеллекта подрывает *экономику признания* — систему, в которой заслуга приписывается имени и тем самым делает возможной самооценку. Ответ, предложенный в ходе анализа, состоит в том, что субъектность не исчезает, но смещается. Она удерживается не в соревновании с машиной за объём памяти, скорость обработки или широту охвата данных — на этой территории человек проигрывает структурно, — и не в уходе в изолированные миры, где ценность подменяется происхождением. Она удерживается на *мета-позиции*: там, где учреждается рамка, а не решается задача внутри неё.

Мета-позиция была обоснована двояко. Структурно — через логико-типологическое различие между операциями внутри пространства и введением пространства: система, работающая внутри рамки, не может средствами этой рамки переопределить саму рамку. Экзистенциально — через различение рамки-задачи и рамки-проекта: ИИ работает с задачей, и задача исчерпывает для него ситуацию; человек работает с проектом, для которого задача есть лишь средство, и потому может задать вопрос «зачем?», открывающий мета-позицию. Оба обоснования сходятся в одной точке: мета-позиция предполагает вовлечённость, ответственность и безосновность решения — условия, которые не сводятся к информации и не могут быть выполнены процедурой.

Четвёртый удар, нанесённый ИИ по антропоцентризму, отличается от трёх предыдущих тем, что поражает не картину мира, а условия, при которых человеческая деятельность имеет цену в глазах самого действующего. Коперник, Дарвин и Фрейд отнимали у человека привилегированное положение, но оставляли ему осмысленный мир, внутри которого можно было действовать и получать признание. ИИ отнимает саму возможность измерять положение — линейную шкалу «имя в ряду великих», на которой строилась самооценка. Ответ на этот удар состоит не в том, чтобы вернуть утраченную шкалу, и не в том, чтобы отказаться от потребности в признании. Он состоит в том, чтобы признать: шкала не исчезла — она сместилась. Линейная шкала производства заслуг уступает место различению позиции *учредителя рамки* и позиции *решателя задач*. Первая не может быть делегирована машине; вторая — может. Признание, получаемое на первой позиции, не иллюзорно: оно соответствует реальному различию, обоснованному в разделах 4 и 5.

Из этого следуют три вещи, выходящие за рамки первоначального вопроса. Подготовка к мета-позиции не сводится к передаче знаний: она требует практики действия в условиях неопределённости, где цена решения реальна, а рамка не задана заранее. Понятие научного вклада смещается с производства нового содержания на учреждение условий, при которых содержание получает смысл. Понятие субъектности смещается с набора способностей на позицию в структуре познавательной деятельности — позицию, которая не является привилегией биологии, но и не может быть занята системой, работающей с задачей, а не с проектом.

Здесь необходимо вернуться к оговорке, прозвучавшей во введении. Статья не утверждает превосходства человека над машиной и не предсказывает, что мета-позиция останется антропологическим локусом навсегда. Если система иного типа — выходящая за класс, определённый во введении, — окажется способна работать с проектом, а не только с задачей, она займёт мета-позицию, и это будет означать не расширение известных систем, а появление нового субъекта. Появление такого субъекта не опровергнет проведённый анализ — оно подтвердит его главный тезис: мета-позиция есть локус субъектности, независимо от субстрата. Вопрос о том, кто её займёт, остаётся открытым. Но пока она занята человеком, человеческая субъектность сохраняется — не по праву рождения, не по договорённости и не по инерции, а по структуре различия, которое не сводится к вычислительной мощности.

Список литературы / References

1. **Aristotle** (1984). Nicomachean Ethics. In: *The Complete Works of Aristotle*, ed. J. Barnes. Princeton: Princeton University Press.
2. **Bateson, G.** (1972). *Steps to an Ecology of Mind*. San Francisco: Chandler Publishing.

3. **Bourdieu, P.** (1979). *La distinction: Critique sociale du jugement*. Paris: Les Éditions de Minuit.
4. **Derrida, J.** (1996). Remarks on Deconstruction and Pragmatism. In: C. Mouffe (ed.), *Deconstruction and Pragmatism*. London: Routledge.
5. **Festinger, L.** (1954). A Theory of Social Comparison Processes. *Human Relations*, 7(2), pp. 117–140.
6. **Gadamer, H.-G.** (1960). *Wahrheit und Methode*. Tübingen: Mohr.
7. **Heidegger, M.** (1927). *Sein und Zeit*. Tübingen: Niemeyer.
8. **Honneth, A.** (1992). *Kampf um Anerkennung: Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
9. **Kierkegaard, S.** (1844). *Philosophiske Smuler*. København.
10. **Leary, M. R., Tambor, E. S., Terdal, S. K., & Downs, D. L.** (1995). Self-Esteem as an Interpersonal Monitor: The Sociometer Hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68(3), pp. 518–530.
11. **Luhmann, N.** (1984). *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
12. **Magnani, L.** (2001). *Abduction, Reason, and Science: Processes of Discovery and Explanation*. New York: Kluwer/Plenum.
13. **Merton, R. K.** (1968). The Matthew Effect in Science. *Science*, 159(3810), pp. 56–63.
14. **Peirce, C. S.** (1955). *Philosophical Writings of Peirce*, ed. J. Buchler. New York: Dover Publications.
15. **Russell, B.** (1908). Mathematical Logic as Based on the Theory of Types. *American Journal of Mathematics*, 30(3), pp. 222–262.
16. **Schelling, F. W. J.** (1809). *Philosophische Untersuchungen über das Wesen der menschlichen Freiheit*.
17. **Schmitt, C.** (1922). *Politische Theologie: Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München/Leipzig: Duncker & Humblot.
18. **Stigler, S. M.** (1980). Stigler's Law of Eponymy. *Transactions of the New York Academy of Sciences*, 39(1), pp. 147–158.
19. **Weber, M.** (1919). *Politik als Beruf*. München/Leipzig: Duncker & Humblot.